

Фантастика войны.

Кто из нас мальчишкой, наглою силой, не читывая романов Фенimore Купера, капитана Майль-Рида, Жюль Верна, Стювенсона, Райдера Хаггарда и их бесчисленных последователей и подражателей? Как позавидать необычайным приключениям отважных охотников в лесах Дальнего Запада, среди красноречивых индейцев, или в Центральной Африке, в страшной лютости и торговце людьми? Подвиги шумительной отваги и сверхъестественной ловкости в борьбе с хищными зверями и с целым сонмом озлобленных и беспощадных врагов? Почему неустрашимых мореплавателей по разному морям за таинственными кораблями, грозными и неуловимыми? Почему образы людей, не знающих страха, но терпящих надежды в самых безвыходных положениях, угадывая пути спасения, когда казалось бы, остается только покориться своей гибельной участи? С теми образами полудиких скотоватых приключений сближались в нашем юном сердце воображении полуживописные фигуры героев Троянской войны, воспевших Гомером, благородных рыцарей, изображенных в романах Валтера Скотта, бесчисленных гуляк-бойцов, подобных «Трем мукетерам» Александра Дюма или «индьякам» Генриха Ш. И мы, просиживая ночи над забытым томом, мечтали о жизни, полной соблазнительных опасностей, чудесных событий, обостренности и постоянного напряжения всех духовных и физических сил.

Однако каждый из нас, закрыв книгу, с тоской сознавал в глубине души, что все, чем мы только что увлеклись, — вымысел писателя, который влечет нас в дивный мир фантазии, или, в лучшем случае, предания прошлого, исчезнувшего уже безвозвратно. А если юный мечтатель не додумывался до этого, сам, его плахи грубо разбивали «взрослые», — отец, мать или старший брат, — говоря: «Хочешь читать всякий вздор! Все это выдуманное, ничего из этого не бывает и быть не может». Склонив голову, мы должны были соглашаться, что в современном строе жизни героические подвиги невозможны, что современному человеку негде проявить личное мужество, что прошлая пора «топтателей прерий» и «индейской морей». И грустно было нам думать, что никогда воочию не увидим мы никого, кто был бы подобен Ричарду Линкольну Сердцу, «Сладопиту», последнему из могикан или хотя бы «Брачному морскому разбойнику».

Но что же! Пришла великая война наших дней, и невозможное стало действительностью. Жизнь оцепенела и превратилась фантазия романистов. «Необычайные приключения» стали повседневным явлением. Газеты, — эти зеркала современности, — показыва-

ют нам подвиги, до которых не могли додуматься сочинители. Вновь появились люди, способные на подвиги той безудержной отваги, которая пугала была охотникам на львов и слонов в джунглях еще двести лет назад. Вновь появились отважно-смелые моряки готовые над морской пучиной вступить в бой с неприятелем, являясь богам сильными. И, — что самое удивительное, — в человеческих душах вновь проснулись силы, дарования и инстинкты, давно задремавшие, как казалось, смертным сном. Вновь проснулось беззаветное чувство опасности, ужасно разгоревшееся в сражениях, оставленных прошедшим врагом на траве, способность бесшумно подползать к неприятелю, видеть в темноте, пробираться по непроходимым тропам, — все те темные дары природы, которые защищают человека в эпохи, когда для его жизни была непрерывной борьбой с неуловимыми стихиями, с полтергейстами и восточными злыми силами и с себй подобными.

Вот большая зала варшавского ресторана «Бригголь». Все занято ребятами электрических светом; рожались стелли и цветных огоньков — уклонились к модерному; за столиками — дивы столичного общества; звучит международная рыв, гдъ съ русскими смешиваются языки польский, французский, английский. И здесь же, в кругу офицеров, как-то особенно незаметно, слыт военный сорок роста, съ энергичным, серьезным, но сразу пугливым поражающим лицом. Между тѣмъ это — ротмистръ Б., человекъ, извѣданный приключениями, право, больше фантастическими, чѣмъ въ замыслѣ Майль-Рида. А вотъ скромный номеръ варшавскихъ неблагодарныхъ комнатъ. Кружокъ приятелей пьетъ чай, куритъ, весело шутитъ, слушая рассказы какого-то юнца о перекрестокъ нмъ. Но этотъ юнецъ — это право надѣтъ нѣсколько «сорисень» на грудь. Это — развѣдчикъ Т., совершившій чудеса отваги, до которыхъ, право, далеко героямъ Райдера Хаггарда. Вотъ въ Вильнѣ дѣ-сь сколько офицеровъ разсказываютъ случайному слушателю о своемъ сосуживцѣ, поручикѣ Р., — разсказываютъ любовно, просто. Но содержание ихъ разсказовъ такъ чудесно, что въ кругъ время никто не пошевельнется бы честь ихъ за выдумку. На улицахъ, въ кафе, въ магазинахъ мы каждый день встрѣчаемъ людей, вѣдѣвшихъ своими глазами подвиги безстрашного мужества и всю ту фантастику «войны бухуаго», о которой лишь мечтали Жюль Вернъ, Робидъ, братья Ропи. А газеты ежедневно приносятъ намъ известія то о походе нмъ во Францію «пяти мукетеровъ», больше безразсудно-храбрыхъ, чѣмъ ихъ три прототипа, созданныхъ фантазией романиста, то о походе за «Эдгемонъ» и «Кенгеберга», больше удивительной, чѣмъ въ морскихъ разсказахъ Купера, Марриета и Стювенсона.

Исторія ротмистра Б., вкратцѣ пересказанная «Петроградскимъ Телеграфомъ», уже стала общезвѣстной, и вѣтъ надобности повторять ее здѣсь. Отрѣзанный со-

вѣтъ въскрадомъ въ 114 гусаръ отъ главныхъ силъ австрійской арміи въ окруженіи полу-милліонной германской арміей, ротмистръ Б. пять недѣль держался въ лесахъ, добывая своему отряду всѣ средства къ жизни, ускользая отъ настойчивыхъ преслѣдованій австрійцевъ и нанося серьезный вредъ неприятелю, его обозамъ и артиллерійскимъ паркамъ. Каждый день Б. и его доподвижникамъ приходилось рисковать жизнью, то сражаясь съ врагами, четверо больше сильными, то пуская въ ходъ всю человѣческую изобретательность, чтобы не быть раздавленнымъ несметными полчищами, по-опъ выдержалъ это испытаніе и вышелъ изъ него побѣдителемъ, сохранивъ своей маленькой отрядъ и соединивъ его въ концѣ-концовъ съ арміей. Многие эпизоды изъ исторіи ротмистра Б., особенно изъ его собственныхъ устнахъ разсказъ, провозглашающаго потрясающее впечатлѣніе своимъ безмысленнымъ драматизмомъ, живо напоминаютъ характерныя сцены разныхъ фантастическихъ романовъ.

Напомню, напримѣръ, такой эпизодъ. Ротмистру Б. удалось захватить въ плѣнъ трехъ австрійскихъ солдатъ съ выхитрившимъ. У нихъ оказались документы. Въ этихъ документахъ подробно излагается планъ поимки эскадрона Б., дождавшаго австрійцамъ своимъ нападениемъ на ихъ обозы. Б. самъ читаетъ описание того, какъ его окружаютъ въ тайнѣ толпы, гдѣ гусары дѣйствительно набрасываются сразу пугливымъ поражающимъ лицомъ. Между тѣмъ это — ротмистръ Б., человекъ, извѣданный приключениями, право, больше фантастическими, чѣмъ въ замыслѣ Майль-Рида. А вотъ скромный номеръ варшавскихъ неблагодарныхъ комнатъ. Кружокъ приятелей пьетъ чай, куритъ, весело шутитъ, слушая рассказы какого-то юнца о перекрестокъ нмъ. Но этотъ юнецъ — это право надѣтъ нѣсколько «сорисень» на грудь. Это — развѣдчикъ Т., совершившій чудеса отваги, до которыхъ, право, далеко героямъ Райдера Хаггарда. Вотъ въ Вильнѣ дѣ-сь сколько офицеровъ разсказываютъ случайному слушателю о своемъ сосуживцѣ, поручикѣ Р., — разсказываютъ любовно, просто. Но содержание ихъ разсказовъ такъ чудесно, что въ кругъ время никто не пошевельнется бы честь ихъ за выдумку. На улицахъ, въ кафе, въ магазинахъ мы каждый день встрѣчаемъ людей, вѣдѣвшихъ своими глазами подвиги безстрашного мужества и всю ту фантастику «войны бухуаго», о которой лишь мечтали Жюль Вернъ, Робидъ, братья Ропи. А газеты ежедневно приносятъ намъ известія то о походе нмъ во Францію «пяти мукетеровъ», больше безразсудно-храбрыхъ, чѣмъ ихъ три прототипа, созданныхъ фантазией романиста, то о походе за «Эдгемонъ» и «Кенгеберга», больше удивительной, чѣмъ въ морскихъ разсказахъ Купера, Марриета и Стювенсона.

Исторія ротмистра Б., вкратцѣ пересказанная «Петроградскимъ Телеграфомъ», уже стала общезвѣстной, и вѣтъ надобности повторять ее здѣсь. Отрѣзанный со-

вѣтъ въскрадомъ въ 114 гусаръ отъ главныхъ силъ австрійской арміи въ окруженіи полу-милліонной германской арміей, ротмистръ Б. пять недѣль держался въ лесахъ, добывая своему отряду всѣ средства къ жизни, ускользая отъ настойчивыхъ преслѣдованій австрійцевъ и нанося серьезный вредъ неприятелю, его обозамъ и артиллерійскимъ паркамъ. Каждый день Б. и его доподвижникамъ приходилось рисковать жизнью, то сражаясь съ врагами, четверо больше сильными, то пуская въ ходъ всю человѣческую изобретательность, чтобы не быть раздавленнымъ несметными полчищами, по-опъ выдержалъ это испытаніе и вышелъ изъ него побѣдителемъ, сохранивъ своей маленькой отрядъ и соединивъ его въ концѣ-концовъ съ арміей. Многие эпизоды изъ исторіи ротмистра Б., особенно изъ его собственныхъ устнахъ разсказъ, провозглашающаго потрясающее впечатлѣніе своимъ безмысленнымъ драматизмомъ, живо напоминаютъ характерныя сцены разныхъ фантастическихъ романовъ.

Напомню, напримѣръ, такой эпизодъ. Ротмистру Б. удалось захватить въ плѣнъ трехъ австрійскихъ солдатъ съ выхитрившимъ. У нихъ оказались документы. Въ этихъ документахъ подробно излагается планъ поимки эскадрона Б., дождавшаго австрійцамъ своимъ нападениемъ на ихъ обозы. Б. самъ читаетъ описание того, какъ его окружаютъ въ тайнѣ толпы, гдѣ гусары дѣйствительно набрасываются сразу пугливымъ поражающимъ лицомъ. Между тѣмъ это — ротмистръ Б., человекъ, извѣданный приключениями, право, больше фантастическими, чѣмъ въ замыслѣ Майль-Рида. А вотъ скромный номеръ варшавскихъ неблагодарныхъ комнатъ. Кружокъ приятелей пьетъ чай, куритъ, весело шутитъ, слушая рассказы какого-то юнца о перекрестокъ нмъ. Но этотъ юнецъ — это право надѣтъ нѣсколько «сорисень» на грудь. Это — развѣдчикъ Т., совершившій чудеса отваги, до которыхъ, право, далеко героямъ Райдера Хаггарда. Вотъ въ Вильнѣ дѣ-сь сколько офицеровъ разсказываютъ случайному слушателю о своемъ сосуживцѣ, поручикѣ Р., — разсказываютъ любовно, просто. Но содержание ихъ разсказовъ такъ чудесно, что въ кругъ время никто не пошевельнется бы честь ихъ за выдумку. На улицахъ, въ кафе, въ магазинахъ мы каждый день встрѣчаемъ людей, вѣдѣвшихъ своими глазами подвиги безстрашного мужества и всю ту фантастику «войны бухуаго», о которой лишь мечтали Жюль Вернъ, Робидъ, братья Ропи. А газеты ежедневно приносятъ намъ известія то о походе нмъ во Францію «пяти мукетеровъ», больше безразсудно-храбрыхъ, чѣмъ ихъ три прототипа, созданныхъ фантазией романиста, то о походе за «Эдгемонъ» и «Кенгеберга», больше удивительной, чѣмъ въ морскихъ разсказахъ Купера, Марриета и Стювенсона.

Исторія ротмистра Б., вкратцѣ пересказанная «Петроградскимъ Телеграфомъ», уже стала общезвѣстной, и вѣтъ надобности повторять ее здѣсь. Отрѣзанный со-

вѣтъ въскрадомъ въ 114 гусаръ отъ главныхъ силъ австрійской арміи въ окруженіи полу-милліонной германской арміей, ротмистръ Б. пять недѣль держался въ лесахъ, добывая своему отряду всѣ средства къ жизни, ускользая отъ настойчивыхъ преслѣдованій австрійцевъ и нанося серьезный вредъ неприятелю, его обозамъ и артиллерійскимъ паркамъ. Каждый день Б. и его доподвижникамъ приходилось рисковать жизнью, то сражаясь съ врагами, четверо больше сильными, то пуская въ ходъ всю человѣческую изобретательность, чтобы не быть раздавленнымъ несметными полчищами, по-опъ выдержалъ это испытаніе и вышелъ изъ него побѣдителемъ, сохранивъ своей маленькой отрядъ и соединивъ его въ концѣ-концовъ съ арміей. Многие эпизоды изъ исторіи ротмистра Б., особенно изъ его собственныхъ устнахъ разсказъ, провозглашающаго потрясающее впечатлѣніе своимъ безмысленнымъ драматизмомъ, живо напоминаютъ характерныя сцены разныхъ фантастическихъ романовъ.

Напомню, напримѣръ, такой эпизодъ. Ротмистру Б. удалось захватить въ плѣнъ трехъ австрійскихъ солдатъ съ выхитрившимъ. У нихъ оказались документы. Въ этихъ документахъ подробно излагается планъ поимки эскадрона Б., дождавшаго австрійцамъ своимъ нападениемъ на ихъ обозы. Б. самъ читаетъ описание того, какъ его окружаютъ въ тайнѣ толпы, гдѣ гусары дѣйствительно набрасываются сразу пугливымъ поражающимъ лицомъ. Между тѣмъ это — ротмистръ Б., человекъ, извѣданный приключениями, право, больше фантастическими, чѣмъ въ замыслѣ Майль-Рида. А вотъ скромный номеръ варшавскихъ неблагодарныхъ комнатъ. Кружокъ приятелей пьетъ чай, куритъ, весело шутитъ, слушая рассказы какого-то юнца о перекрестокъ нмъ. Но этотъ юнецъ — это право надѣтъ нѣсколько «сорисень» на грудь. Это — развѣдчикъ Т., совершившій чудеса отваги, до которыхъ, право, далеко героямъ Райдера Хаггарда. Вотъ въ Вильнѣ дѣ-сь сколько офицеровъ разсказываютъ случайному слушателю о своемъ сосуживцѣ, поручикѣ Р., — разсказываютъ любовно, просто. Но содержание ихъ разсказовъ такъ чудесно, что въ кругъ время никто не пошевельнется бы честь ихъ за выдумку. На улицахъ, въ кафе, въ магазинахъ мы каждый день встрѣчаемъ людей, вѣдѣвшихъ своими глазами подвиги безстрашного мужества и всю ту фантастику «войны бухуаго», о которой лишь мечтали Жюль Вернъ, Робидъ, братья Ропи. А газеты ежедневно приносятъ намъ известія то о походе нмъ во Францію «пяти мукетеровъ», больше безразсудно-храбрыхъ, чѣмъ ихъ три прототипа, созданныхъ фантазией романиста, то о походе за «Эдгемонъ» и «Кенгеберга», больше удивительной, чѣмъ въ морскихъ разсказахъ Купера, Марриета и Стювенсона.

Исторія ротмистра Б., вкратцѣ пересказанная «Петроградскимъ Телеграфомъ», уже стала общезвѣстной, и вѣтъ надобности повторять ее здѣсь. Отрѣзанный со-

вѣтъ въскрадомъ въ 114 гусаръ отъ главныхъ силъ австрійской арміи въ окруженіи полу-милліонной германской арміей, ротмистръ Б. пять недѣль держался въ лесахъ, добывая своему отряду всѣ средства къ жизни, ускользая отъ настойчивыхъ преслѣдованій австрійцевъ и нанося серьезный вредъ неприятелю, его обозамъ и артиллерійскимъ паркамъ. Каждый день Б. и его доподвижникамъ приходилось рисковать жизнью, то сражаясь съ врагами, четверо больше сильными, то пуская въ ходъ всю человѣческую изобретательность, чтобы не быть раздавленнымъ несметными полчищами, по-опъ выдержалъ это испытаніе и вышелъ изъ него побѣдителемъ, сохранивъ своей маленькой отрядъ и соединивъ его въ концѣ-концовъ съ арміей. Многие эпизоды изъ исторіи ротмистра Б., особенно изъ его собственныхъ устнахъ разсказъ, провозглашающаго потрясающее впечатлѣніе своимъ безмысленнымъ драматизмомъ, живо напоминаютъ характерныя сцены разныхъ фантастическихъ романовъ.

Напомню, напримѣръ, такой эпизодъ. Ротмистру Б. удалось захватить въ плѣнъ трехъ австрійскихъ солдатъ съ выхитрившимъ. У нихъ оказались документы. Въ этихъ документахъ подробно излагается планъ поимки эскадрона Б., дождавшаго австрійцамъ своимъ нападениемъ на ихъ обозы. Б. самъ читаетъ описание того, какъ его окружаютъ въ тайнѣ толпы, гдѣ гусары дѣйствительно набрасываются сразу пугливымъ поражающимъ лицомъ. Между тѣмъ это — ротмистръ Б., человекъ, извѣданный приключениями, право, больше фантастическими, чѣмъ въ замыслѣ Майль-Рида. А вотъ скромный номеръ варшавскихъ неблагодарныхъ комнатъ. Кружокъ приятелей пьетъ чай, куритъ, весело шутитъ, слушая рассказы какого-то юнца о перекрестокъ нмъ. Но этотъ юнецъ — это право надѣтъ нѣсколько «сорисень» на грудь. Это — развѣдчикъ Т., совершившій чудеса отваги, до которыхъ, право, далеко героямъ Райдера Хаггарда. Вотъ въ Вильнѣ дѣ-сь сколько офицеровъ разсказываютъ случайному слушателю о своемъ сосуживцѣ, поручикѣ Р., — разсказываютъ любовно, просто. Но содержание ихъ разсказовъ такъ чудесно, что въ кругъ время никто не пошевельнется бы честь ихъ за выдумку. На улицахъ, въ кафе, въ магазинахъ мы каждый день встрѣчаемъ людей, вѣдѣвшихъ своими глазами подвиги безстрашного мужества и всю ту фантастику «войны бухуаго», о которой лишь мечтали Жюль Вернъ, Робидъ, братья Ропи. А газеты ежедневно приносятъ намъ известія то о походе нмъ во Францію «пяти мукетеровъ», больше безразсудно-храбрыхъ, чѣмъ ихъ три прототипа, созданныхъ фантазией романиста, то о походе за «Эдгемонъ» и «Кенгеберга», больше удивительной, чѣмъ въ морскихъ разсказахъ Купера, Марриета и Стювенсона.

Исторія ротмистра Б., вкратцѣ пересказанная «Петроградскимъ Телеграфомъ», уже стала общезвѣстной, и вѣтъ надобности повторять ее здѣсь. Отрѣзанный со-

вѣтъ въскрадомъ въ 114 гусаръ отъ главныхъ силъ австрійской арміи въ окруженіи полу-милліонной германской арміей, ротмистръ Б. пять недѣль держался въ лесахъ, добывая своему отряду всѣ средства къ жизни, ускользая отъ настойчивыхъ преслѣдованій австрійцевъ и нанося серьезный вредъ неприятелю, его обозамъ и артиллерійскимъ паркамъ. Каждый день Б. и его доподвижникамъ приходилось рисковать жизнью, то сражаясь съ врагами, четверо больше сильными, то пуская въ ходъ всю человѣческую изобретательность, чтобы не быть раздавленнымъ несметными полчищами, по-опъ выдержалъ это испытаніе и вышелъ изъ него побѣдителемъ, сохранивъ своей маленькой отрядъ и соединивъ его въ концѣ-концовъ съ арміей. Многие эпизоды изъ исторіи ротмистра Б., особенно изъ его собственныхъ устнахъ разсказъ, провозглашающаго потрясающее впечатлѣніе своимъ безмысленнымъ драматизмомъ, живо напоминаютъ характерныя сцены разныхъ фантастическихъ романовъ.

Напомню, напримѣръ, такой эпизодъ. Ротмистру Б. удалось захватить въ плѣнъ трехъ австрійскихъ солдатъ съ выхитрившимъ. У нихъ оказались документы. Въ этихъ документахъ подробно излагается планъ поимки эскадрона Б., дождавшаго австрійцамъ своимъ нападениемъ на ихъ обозы. Б. самъ читаетъ описание того, какъ его окружаютъ въ тайнѣ толпы, гдѣ гусары дѣйствительно набрасываются сразу пугливымъ поражающимъ лицомъ. Между тѣмъ это — ротмистръ Б., человекъ, извѣданный приключениями, право, больше фантастическими, чѣмъ въ замыслѣ Майль-Рида. А вотъ скромный номеръ варшавскихъ неблагодарныхъ комнатъ. Кружокъ приятелей пьетъ чай, куритъ, весело шутитъ, слушая рассказы какого-то юнца о перекрестокъ нмъ. Но этотъ юнецъ — это право надѣтъ нѣсколько «сорисень» на грудь. Это — развѣдчикъ Т., совершившій чудеса отваги, до которыхъ, право, далеко героямъ Райдера Хаггарда. Вотъ въ Вильнѣ дѣ-сь сколько офицеровъ разсказываютъ случайному слушателю о своемъ сосуживцѣ, поручикѣ Р., — разсказываютъ любовно, просто. Но содержание ихъ разсказовъ такъ чудесно, что въ кругъ время никто не пошевельнется бы честь ихъ за выдумку. На улицахъ, въ кафе, въ магазинахъ мы каждый день встрѣчаемъ людей, вѣдѣвшихъ своими глазами подвиги безстрашного мужества и всю ту фантастику «войны бухуаго», о которой лишь мечтали Жюль Вернъ, Робидъ, братья Ропи. А газеты ежедневно приносятъ намъ известія то о походе нмъ во Францію «пяти мукетеровъ», больше безразсудно-храбрыхъ, чѣмъ ихъ три прототипа, созданныхъ фантазией романиста, то о походе за «Эдгемонъ» и «Кенгеберга», больше удивительной, чѣмъ въ морскихъ разсказахъ Купера, Марриета и Стювенсона.

Исторія ротмистра Б., вкратцѣ пересказанная «Петроградскимъ Телеграфомъ», уже стала общезвѣстной, и вѣтъ надобности повторять ее здѣсь. Отрѣзанный со-

1) Все, все, что только грозитъ для сердца смертного талъ. Незнакомый насладился... (Пушкин).

вѣтъ въскрадомъ въ 114 гусаръ отъ главныхъ силъ австрійской арміи въ окруженіи полу-милліонной германской арміей, ротмистръ Б. пять недѣль держался въ лесахъ, добывая своему отряду всѣ средства къ жизни, ускользая отъ настойчивыхъ преслѣдованій австрійцевъ и нанося серьезный вредъ неприятелю, его обозамъ и артиллерійскимъ паркамъ. Каждый день Б. и его доподвижникамъ приходилось рисковать жизнью, то сражаясь съ врагами, четверо больше сильными, то пуская въ ходъ всю человѣческую изобретательность, чтобы не быть раздавленнымъ несметными полчищами, по-опъ выдержалъ это испытаніе и вышелъ изъ него побѣдителемъ, сохранивъ своей маленькой отрядъ и соединивъ его въ концѣ-концовъ съ арміей. Многие эпизоды изъ исторіи ротмистра Б., особенно изъ его собственныхъ устнахъ разсказъ, провозглашающаго потрясающее впечатлѣніе своимъ безмысленнымъ драматизмомъ, живо напоминаютъ характерныя сцены разныхъ фантастическихъ романовъ.

Напомню, напримѣръ, такой эпизодъ. Ротмистру Б. удалось захватить въ плѣнъ трехъ австрійскихъ солдатъ съ выхитрившимъ. У нихъ оказались документы. Въ этихъ документахъ подробно излагается планъ поимки эскадрона Б., дождавшаго австрійцамъ своимъ нападениемъ на ихъ обозы. Б. самъ читаетъ описание того, какъ его окружаютъ въ тайнѣ толпы, гдѣ гусары дѣйствительно набрасываются сразу пугливымъ поражающимъ лицомъ. Между тѣмъ это — ротмистръ Б., человекъ, извѣданный приключениями, право, больше фантастическими, чѣмъ въ замыслѣ Майль-Рида. А вотъ скромный номеръ варшавскихъ неблагодарныхъ комнатъ. Кружокъ приятелей пьетъ чай, куритъ, весело шутитъ, слушая рассказы какого-то юнца о перекрестокъ нмъ. Но этотъ юнецъ — это право надѣтъ нѣсколько «сорисень» на грудь. Это — развѣдчикъ Т., совершившій чудеса отваги, до которыхъ, право, далеко героямъ Райдера Хаггарда. Вотъ въ Вильнѣ дѣ-сь сколько офицеровъ разсказываютъ случайному слушателю о своемъ сосуживцѣ, поручикѣ Р., — разсказываютъ любовно, просто. Но содержание ихъ разсказовъ такъ чудесно, что въ кругъ время никто не пошевельнется бы честь ихъ за выдумку. На улицахъ, въ кафе, въ магазинахъ мы каждый день встрѣчаемъ людей, вѣдѣвшихъ своими глазами подвиги безстрашного мужества и всю ту фантастику «войны бухуаго», о которой лишь мечтали Жюль Вернъ, Робидъ, братья Ропи. А газеты ежедневно приносятъ намъ известія то о походе нмъ во Францію «пяти мукетеровъ», больше безразсудно-храбрыхъ, чѣмъ ихъ три прототипа, созданныхъ фантазией романиста, то о походе за «Эдгемонъ» и «Кенгеберга», больше удивительной, чѣмъ въ морскихъ разсказахъ Купера, Марриета и Стювенсона.

Исторія ротмистра Б., вкратцѣ пересказанная «Петроградскимъ Телеграфомъ», уже стала общезвѣстной, и вѣтъ надобности повторять ее здѣсь. Отрѣзанный со-

Валерій Брюсовъ.
Варшава, 6-го ноября.